
А. Дорофеев
ДОМ В СНЕГУ

А. Дорофеев

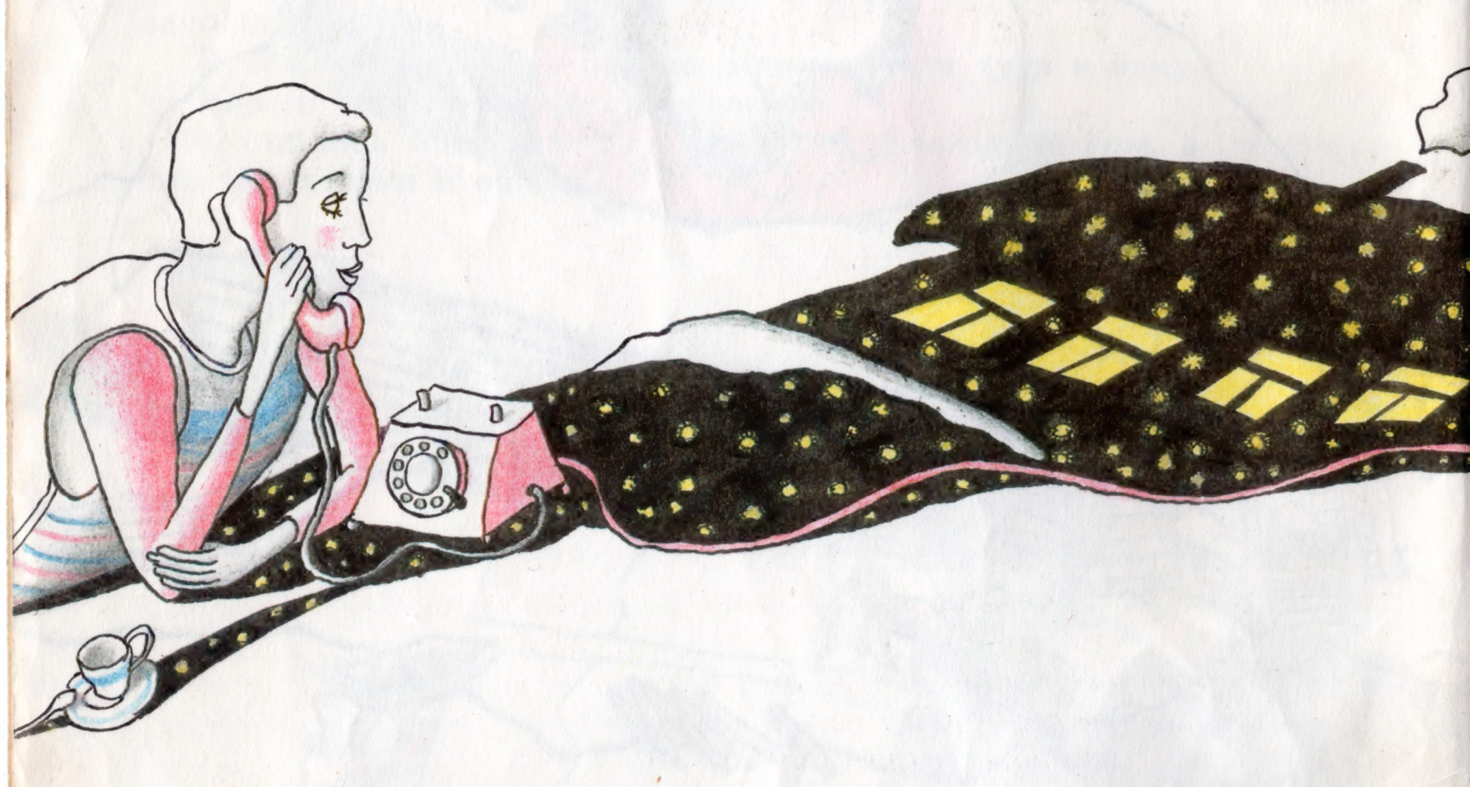
ДОМ В СНЕГУ

РАССКАЗЫ

Москва
«Детская литература»
1989

Художник
Ю. СКОВОРОДНИКОВ

Д $\frac{4803010201-352}{М101(03)-89}$ 189—89

ISBN 5—08—000942—X

КАК Я ПЕРЕСТАЛ ВРАТЬ

Когда-то я был отчаянным вруном. Хотя, точно помню, врать мне совсем не хотелось. Получалось само собой, вроде кто-то подталкивал, нашёптывал на ухо.

— Никто нам не звонил? — спрашивала, например, мама, вернувшись с работы.

— Звонили, звонили,— кивал я, подавая тапочки.— Много людей — тёти, дяди...

— Ну, и что говорили?

— Ох, всякую всячину! Прямо замучился их слушать. Один из Африки говорит, другая — из Ледовитого океана...

— Хулиганы какие,— вздыхала мама.— Телефонные хулиганы! А тётя Лола не звонила?

— Я же говорю — звонила! У неё в океане льдина раскололась. Спрашивала, что делать. А дядю Вову носорог на дерево загнал...

— Опять это враньё! — закипала мама.— Ну сколько можно?! Неужели трудно говорить правду?

— А я и говорю,— упрямился я.

— Да ты хоть понимаешь, что такое правда? Это то, что было на самом деле! Понимаешь, на самом деле!

Конечно, на самом-то деле я ни с кем по телефону не разгова-

ривал. Сидел, скучал. Глядел в окно. Ждал маму... Это правда, но уж очень грустная. Не хотелось, чтобы она была такой.

Мама моя долго боролась с враньём. Пыталась даже выгонять его из дома — заглядывала под стол, под кровать, в углы.

— Где попряталось? Кыш-кыш! Прочь отсюда! — И вправду гнала что-то невидимое то в дверь, то в окна. Это было очень интересно.

— Какое оно из себя? — спрашивал я, немного жалея изгнанное враньё.

— Отвратительное! — морщилась мама.

Но сколько его ни гнали, враньё возвращалось обратно. Мама устала с ним бороться и всё больше сердилась.

— Нету с ним сладу,— вздыхала она.— Совсем тебя одолело. Пожалуй, уедем мы куда-нибудь далеко-далеко — может, отстанет.

А уж мама-то моя всегда говорит правду. Сказала, уедем — значит, уедем. И вот через некоторое время отправились мы в далёкие края. Летели на очень толстом самолёте, потом на другом — худеньком. Ехали на автобусе. И я как-то позабыл о вранье. Не до него было.

Наконец мы приехали. Дома маленькие, деревянные. Водопровода нет, и воду возят в бочке на мохнатой лошадке — черпают прямо из реки Алдан. Трудно в это поверить! Какая-то небылица.

Да тут ещё встретил нас дядя весёлый.

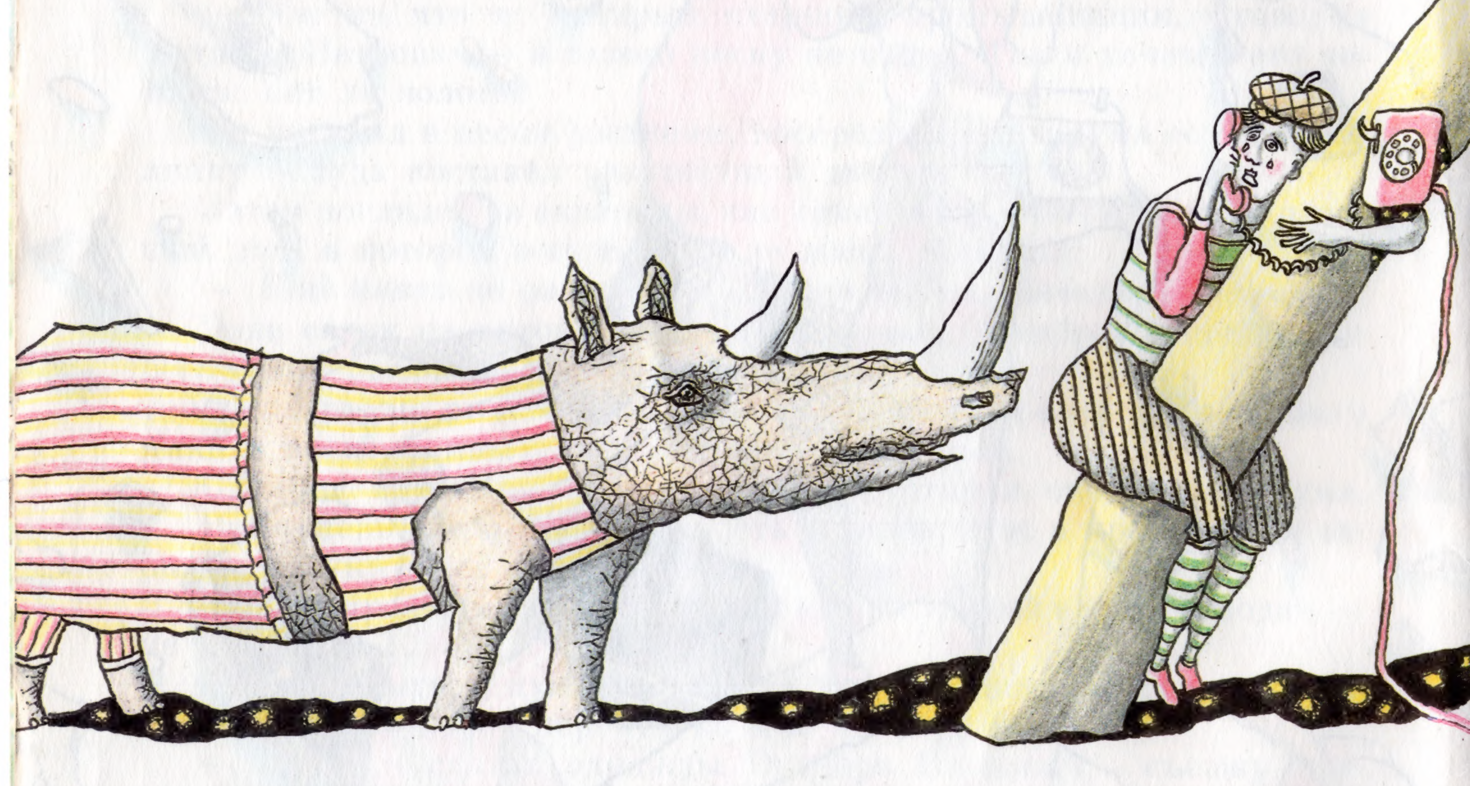
— Октябрь Петрович,— говорит.— Ваш сосед.

Что за имя? Не может такого быть!

Посмотрел я ему в глаза. Пристально. Как мама на меня глядит, когда я завираю. А он улыбается и расспрашивает, как мы на самолёте летели.

— Знаете,— сказал я,— самолёт, как только поднялся, сбился с дороги. Ветер был такой сильный. Ураганный! Все сидят как ни в чём не бывало. А я чувствую — сбились. Выглядываю в окошко —

а там слоны бегают, крокодилы ходят. Кругом пески. Горы и бананы растут. Я к лётчикам! Надо, говорю, левее править. Лево руля!

— Ему соврать как воды выпить,— не выдержала мама.— Врёт — не чихнёт!

А что мне было рассказывать? Сел в кресло, пристегнулся ремнём — и полетели. Не интересно. Чего же огорчать нового соседа? Он-то вот не захотел простым именем назваться. Каким-нибудь Николаем. Красиво выдумал — Октябрь!

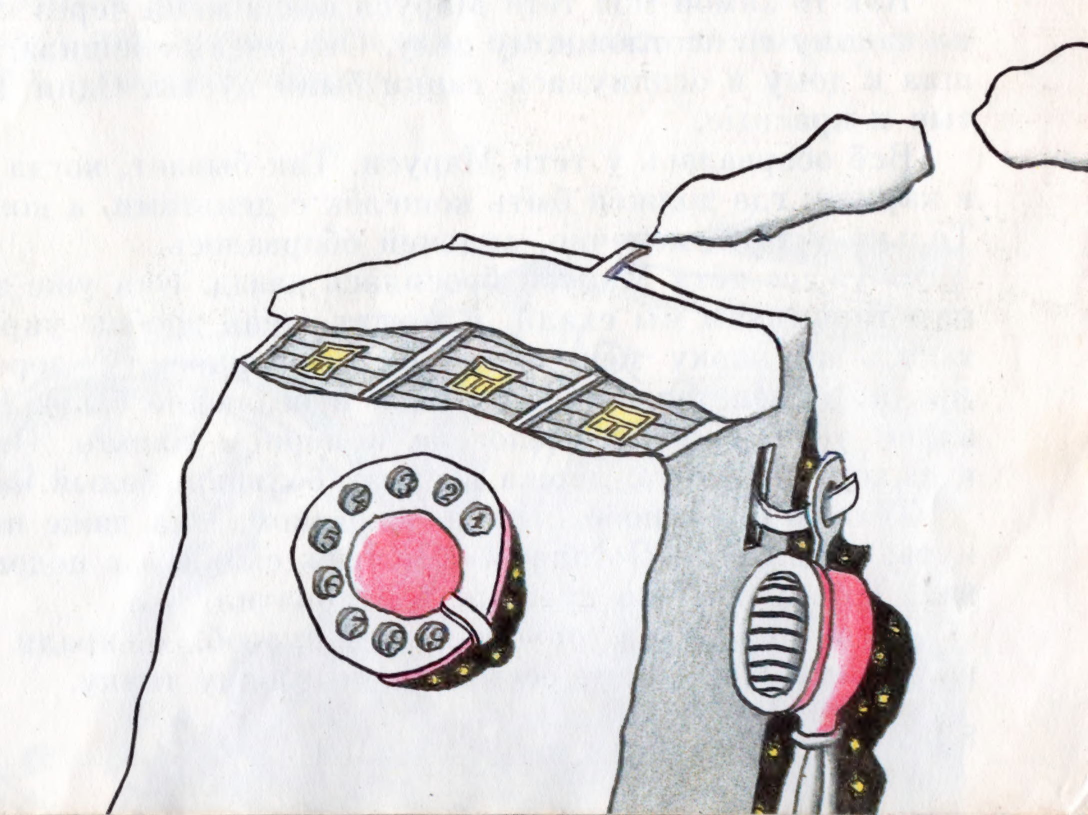
— Ни слова правды не дождёшься,— говорила тем временем мама.— Прямо не знаю, что с ним делать — руки опускаются. Видно, никуда от этого вранья не спрячешься!

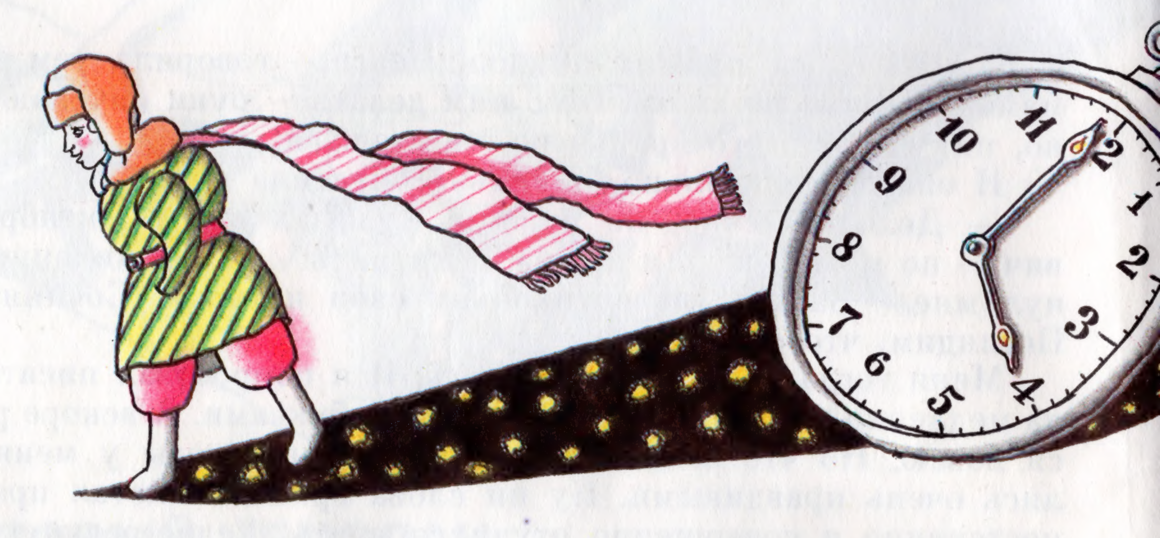
И она действительно бессильно опустила руки.

— Дело, конечно, не простое,— сказал вдруг Октябрь Петрович,— но можно ведь и враньё обхитрить.— И неожиданно подмигнул мне.— Записывай потихоньку свои истории. Сочиняй вволю! Поглядим, что станется.

Меня тогда поразила эта мысль. И я попробовал писать. Сначала медленно, потихоньку — печатными буквами. А вскоре расписался вовсю. Но что самое удивительное — рассказы у меня получались очень правдивыми. Ну ни слова вранья! Чистая правда. Так постепенно я совершенно отучился врать. Редко-редко когда что-нибудь присочиню. Да и то случайно.

Вот судите сами.

НАДПИСЬ НА ЛБУ

Всегда и повсюду я опаздывал. Началось это, когда самостоятельно я ещё опаздывать не мог: меня возили в коляске.

Как-то зимой моя тётя Маруся везла меня через парк на санках по какому-то неотложному делу. Она очень спешила. А когда подошла к дому и оглянулась, санки были пусты. Одни дощечки. Жёлтые и красные.

Всё оборвалось у тёти Маруси. Так бывает, когда человек лезет в карман, где должен быть кошелёк с деньгами, а кошелька-то нет. Только у тёти, конечно, сильней оборвалось.

В ужасе тётя Маруся бросилась назад. Она уже забыла, по каким тропинкам мы ехали. А может, меня вообще украли? Тётя металась по парку меж сугробов. Смеркалось. С дерева на дерево мрачно перелетали вороны. Тихо и безлюдно было. Вдруг в конце аллеи тётя заметила человека в чёрном пальто. Он быстро шёл к выходу из парка, держа в руках большой белый свёрток.

Тётя Маруся побежала за человеком. Она даже не могла крикнуть: «Постойте! Погодите!» Человек скакнул в подошедший трамвай. Тот прощально дренькнул и покатил.

Тётя, помертвев, опустилась в сугроб. «Украли мальчика», — повторяла она, глядя бессмысленно в одну точку.

А я, свалившись по дороге с санок, не припомню сейчас, с какой целью, тихонько лежал тем временем на снегу. В белой шубе, в белой шапке, в белых валенках. К тому же я, кажется, спал и не подавал голоса. Найти меня было непросто.

По счастливой случайности, точка, в которую уставилась тётя Маруся, находилась рядом со мной. Стоило тёте моргнуть, как она сразу меня и обнаружила.

Потом мне ещё долго казалось, что тётя подозревает, будто я нарочно вывалился из санок и пытался спрятаться.

Это был мой первый проступок.

Когда мама на меня особенно сердилась, она говорила, что я — это вовсе не я, а чужой мальчик, который в тот вечер просто так лежал в парке на снегу. Меня же, настоящего, хорошего, увёз на трамвае дядька в чёрном. Настоящий я, конечно, не врёт и не опаздывает. Радует своим поведением похитителей.

И приходилось мне задумываться: я это на самом деле или не я? Иногда казалось: не я — кто-то другой, и довольно противный! И ещё хотелось повстречаться с тем мальчиком, которого на трамвае увезли,— много ли он лучше? Может, ничего особенного...

Но что касается опозданий — тут со мной трудно сравниться. Если мама говорит: «Приходи не позже пяти!» — я обязательно

явлюсь часов в семь. И без злого умысла! Всё была половина пятого, без четверти... И вдруг — семь.

Тогда мама начала делать поправку на опоздание. Если она хоте-

ла, чтобы я был дома к пяти часам, отпускала до трёх. А весной, чтобы я вернулся к пяти, маме вообще нужно было говорить: «Приходи к часу». А я в час только из дому выхожу! Получалось, что вообще нечего высовывать нос на улицу.

Обычно я возвращался домой с тяжёлой совестью. Оправданий не было. Ну, играли в лапту... Катались с Пашкой Степановым на свинье. Такой чёрный хряк с розовыми пятнами. Никак не удавалось на него порядочно усесться. Хрюкнет и выскользнет... Пашка в лужу упал.

Приходилось рассказывать что-нибудь убедительное.

— Мама,— говорил я,— мы с ребятами искали растение сурепку.

— Какая сурепка?! — вскрикивала мама.— Ещё травы нет!

— Мы и не нашли,— горестно соглашался я.

И живо представлял себя сурепкой. Маленькой, жёлтенькой, немного увядшей. Бедная репка, которую зовут Су. На глазах начинал я увядать.

Однажды в поселковый магазин завезли платки — по ночному чёрному фону золотая надпись: «Уж полночь близится, а Германа всё нет». Мама нарочно купила такой платок и укоризненно заворачивалась в него, когда я опаздывал. Ох, до чего ясно видел я, как этот несчастный Герман тащится домой после полуночи, прикидывая, что бы такое соврать.

— Ну вот и Герман явился,— говорила мама, встречая меня у дверей.

Грубое какое имя! Герман! Зловещее имя. С таким только после полуночи и являться.

Однажды зимой, отпуская меня гулять, мама сказала:

— Раз уж ты ничего не помнишь, носишься как угорелый, буду записывать у тебя на лбу.

И она действительно быстро начертила пальцем на моём лбу какие-то линии.

— Я написала «четыре». Чтобы в это время дома был!

«Вот новости,— подумал я.— Шутки, как с маленьким».

Но, выйдя на улицу, потёр всё же лоб снегом.

Было пусто на улице. Только у своего крыльца, как столб, стоял Серёжа Ширварли. Он поглядел на меня и сказал, что через час ему нужно быть дома и далеко уходить не хочется — очень похоже на Серёжу Ширварли.

И уговаривать его не стоило бы, если б не было так пустынно и одиноко. Пришлось немного протащить за собой Серёжу Ширварли, а потом он и сам пошёл.

Мы стали играть в заброшенном экскаваторе, стоявшем на высоком берегу Алдана. Его стрела, похожая на пожарную лестницу, торчала прямо над рекой. Открывалась и громко захлопывалась тяжёлая дверь. Сквозь пустые окна экскаватора виднелась внизу замёрзшая река.

Порядочно мы полетали, орудуя высокими рычагами и воображая, что это самолёт над тайгой и Алданом. И Серёжа Ширварли вздыхал и говорил каждую минуту: «Мне пора!»

Но мы пошли на посадку, только когда начало смеркаться.

И вдруг остановился пропеллер. Я быстро выбрался через окно и пополз по «крылу». «Крыло» обледенело — варежки прилипали к нему, а ноги скользили. А Серёжа Ширварли закричал вдруг, что прыгает с парашютом, потому что мы как раз над его домом. Я показал кулак.

Чем выше я поднимался, тем сильнее налетал ветер. Казалось, и правда лечу над Алданом.

Я поглядел вниз и неожиданно увидел перед собой весь посёлок. Водокачка, клуб, школа, магазин, конюшня... Баня, бочка водовоза Колодезникова. А рядом с ней маленький Серёжа Ширварли — торопится домой.

— Эй! — закричал я.— Стой!

Все, кто был на улице, обернулись. Лошадь Колодезникова мотнула головой. Только Серёжа Ширварли не обернулся, прибавил ходу и свернул к своему дому. Я остался один на железной стреле экскаватора, как заблудившаяся в небе птица. А посёлок подо мной будто медленно погружался в тёмную пропасть.

Торопливо я начал спускаться — ноги скользнули, руки

промахнулись. Резко дёрнуло сзади — я повис под стрелой экскаватора, подцепленный за хлястик каким-то крюком.

Было совсем тихо. Только ветер посвистывал. В домах уже загорелись окна. Я извивался в своём пальто, но уцепиться за стрелу не удавалось. Хлопали двери в домах, звякали вёдра. Откуда-то слышалась музыка. А я по-прежнему висел под стрелой, продуваемый ветром.

— Эй! — крик выпорхнул у меня, как бесшумная ночная птица. Стыдно кричать во весь голос, когда подцеплен за хлястик.

Я видел, как по освещённой улице спешат люди. Они шли по земле. Мне казалось, что я смотрю на наш посёлок с далёкой звезды, всеми уже позабытый. Наверное, Серёжа Ширварли теперь сидит дома, чай пьёт, усмехается. Да и мама, верно, махнула на меня рукой — пускай такой пропадает, одно горе с ним.

И вдруг поблизости раздались шаги.

— Ты здесь? — услышал я мамин голос.

— Да,— сказал я. И неожиданно тихо заплакал.

Мама быстро добралась до меня и втащила на стрелу. Очень медленно спускались мы на землю.

— Как ты меня нашла? — спросил я.

— Буквы на лбу светились,— сказала мама.— Да и без того отыскала бы — ты же звёздочка моя!

Она подняла меня на руки. Снег громко скрипел под её ногами. И звёзды покачивались неподалёку в небе.

ДОМ В СНЕГУ

Утром мама повела меня к Павлюкам.

— Познакомишься с ребятами. Хорошие ребята,— говорила она.— Да и присмотрят там за тобой — особенно-то не разгуляешься.

На улице темно. Утра не видно. Хотя услыхать его можно. Стучат двери в домах. Торопливо скрипит снег. Ровно и тяжело гудит над сугробами утренний мороз.

— Дыши носом, рот закрой! — говорит мама, и видно, как слова выпархивают изо рта белыми короткими облачками, рассыпаются под фонарём блёстками.

Мы поднимаемся на крыльцо, будто вырезанное из белого льда. Мама отворяет дверь, и мы оказываемся в тёмной прихожей. У стены на полу белеют кастрюли. Одна пошевелилась — я схватил маму за руку. Кастрюля встряхнулась, кинулась впотьмах наискосок — замерла.

— Курица,— тихо сказала мама.— Обыкновенная курица.

Сбоку в прихожую выпал жёлтый свет. И появилась женщина, маленькая и круглая, как электрическая лампочка.

— Ранние птички! — сказала она.— Залетайте.

— Доброе утро, Зоя,— сказала мама, подталкивая меня вперёд.— Вот — принимайте. А мне на работу лететь.

В спину дунуло холодом. Я обернулся — за мамой, закрываясь, вздрогнула дверь.

За вешалку цеплялось множество курточек, тулупов, шуб и просто пальто. Им было тесно. Они топорщились, лезли в стороны. Я долго не мог пристроить свою шубу — они спихивали её с крючка. «Сколько же здесь этих Павлюков,— думал я с опаской.— И все где-то попрятались».

Из кухни доносились потрескивание, шёпот, шелест... Кто-то вскрикнул:

— Не кинешь! Не кинешь! Не попадёшь!

Я не решался отойти от вешалки. Рядом прохаживалась белая курица, то и дело замирая на одной ноге. Клёцк! — клюнула она доску, взглянула на меня искоса и мотнула головой, приглашая на кухню.

Там было ярко и жарко. Сонно бурчала на плите кастрюля, вида боевого, с помятыми боками. На сковороде что-то трепетало. Тётя Зоя раскатывала тесто тяжёлой скалкой. Девочка в красном фартуке укладывала одинаковые белые колобки рядами, как солдатиков. Девочка была румяная, с маленьким носиком и толстой косой. Хотелось дёрнуть её за косу или просто толкнуть.

— Это Люба Черномордикова! — сказала тётя Зоя.— Мы с ней клёцки готовим. Такая прилежная! А этот — мой Вовка. Один десятерых стоит,— вздохнула она.

Вовка сидел на стуле широко разинув рот.

— Не кинешь! Не попадёшь! — крикнул он, не закрывая рта.

Вдруг кто-то легонько толкнул меня в спину. Рядом объявился маленький беленький мальчик.

— Вадик Свечкин! — заметила его и тётя Зоя.— Ты прямо как из-под земли — мы тебя и не слыхали.

— А я нарочно,— засиял Вадик Свечкин.— Крался, как охотник.

— Не кинешь! Не попадёшь!

— Куда попасть? — насторожился Вадик.— Я такой меткий — сразу попаду!

— Тётя Зоя,— сказала Люба, прицелившись колобком в Вовку,— можно, кину?

— Да что вы, дети,— клёцками кидаться?! — всплеснула руками тётя Зоя и растерянно взглянула на меня.— Что про вас подумают-то?

— Никишь, никишь, никишь, никишь! — затянул Вовка.

— Не обращайте на него внимания,— сказала тётя Зоя, глядя на меня.— Давайте все от него отвернёмся — раз-два!

И действительно, все быстро по этой команде отвернулись от Вовки в разные стороны.

А я замешкался. Вовка спрыгнул со стула и подошёл ко мне.

— Я её нарочно дразню всегда,— сказал он мне на ухо, указывая

пальцем на Любу.— Хочешь, клёцкой кину? — И он стал прицеливаться в Любу, которая отвернулась очень прилежно и ничего, конечно, не подозревала.

— Не кинешь! — вдруг крикнул я.— Не кинешь, не кинешь!

Это были мои первые слова в доме Павлюков. Все разом повернулись и посмотрели на меня так, будто я и в самом деле таракан запечный, будто только-только из-под земли.

— Да, не простое это дело всего для одной пары рук,— новым, строгим голосом сказала тётя Зоя — А с виду такой скромный и серьёзный мальчик.

...После жаркой кухни в большой комнате было прохладно и тихо.

У стены поднималась высокая кровать с горой подушек, с блестящими металлическими спинками, украшенными шариками, бубликами, завитушками. Глубоко под одеялами-покрывалами стоял, должно быть, большой город — замки, пушки, дворцы, башни. Хотелось немедленно раскопать этот город. Но так ровно и строго лежали подушки и покрывала, что и дотронуться до них было жутко.

А над кроватью висел коврик с оленями,— они, видно, дрались. Один, взобравшись на белый валун, нацелился другому рогами прямо в глаз.

На улице уже стало светлее. Уже стёкла, покрытые стекающим книзу льдом, стали мерцать, просвечивать. Тётя Зоя заглянула к нам, выключила свет.

— Ох,— сказала она.— Зимний день, прямо как сорока,— кивнёт хвостом и нету. Только белый бок мелькнёт.

Я приложил руку к окну. Шершавый лёд быстро становился скользким. Рука влипала в него, будто могла пройти насквозь или отодвинуть стекло в белую пустоту. Казалось, дом снаружи завален снегом по самую крышу и не выйти нам отсюда до весны.

— Ладно,— сказал Вовка.— Будем играть.

Он быстро заполз под кровать. Мы с Вадиком поползли следом.

У кроватной ножки я задержался — кровать была на колёсах! Эх, ей бы по свету колесить, а она притулилась в комнате, под ковриком, укрытая одеялами.

Мы поползли на четвереньках под кроватью, как разведчики. Было пустынно — никакого имущества: ни чемоданов, ни старых игрушек.

— Давай-давай! — прикрикнул на меня Вовка. Он уже вовсю погонял Вадика Свечкина, который полз по кругу.— Живо, Свечка! Вы мои слуги!

— Никакие мы не слуги,— остановился вдруг Вадик.— Сам ползай!

— Мы не слуги! — согласился и я.

— Тут моё царство! — сказал Вовка.

— А мы вылезаем из твоего царства! — взбунтовался Вадик и хотел встать, но железное небо над ним только прогнулось и отбросило его на пол.

Тогда мы с Вадиком плечо к плечу поползли на волю.

Ползли мы долго, а над нами была всё та же кровать.

— Кажется, заблудились,— сказал Вадик, озираясь.

Стало душно, как перед грозой. Позади раздавалось пыхтение, сопение.

— Не уйдёте, не уйдёте...

Мы бросились вперёд, не разбирая дороги. Что-то грохнуло над головой. Разлился белый свет. Я зажмурил глаза.

— Создатели вы мои! Батюшки и матушки! — воскликнула тётя Зоя, входя в комнату.

— Батюшки! — ахнула за ней Люба Черномордикова.

— И матушки! — тихонько, сидя на полу, сказал Вадик.

Олений коврик одиноко висел посреди стены. Подушки и одеяла были размётаны по полу. А кровать, раскрытая и свободная, готовая к дальним дорогам, врезалась в обеденный стол.

Даже плоский полосатый матрац съехал набок, обнажив ажурную панцирную сетку. Сквозь неё виднелся Вовка.

— Это кто же там такой? — спросила тётя Зоя.

— Это там царь,— быстро сказал Вадик.

— Ну, сейчас влетит этому царю,— сказала тётя Зоя, грозно глядя и на нас с Вадиком.— В пастухи пойдёт!

Вовка не стал вылезать из-под кровати и напрашиваться в пастухи. Пыхтя, как паровой двигатель, он покатил кровать обратной дорогой к оленям.

Тётя Зоя шла следом, собирая кроватную одежду.

— Мы с этой кроватью полстраны объехали,— ворчала она.— А вам всё игрушки!

Кровать поскрипывала, покачивала панцирной сеткой, когда на неё вновь ложились подушки и одеяла.

— Ей, может, сто лет,— говорила тётя Зоя, успокаивая кровать на прежнем её месте — у стены под ковриком.

— Такая старушка?! — изумилась Люба Черномордикова.— А Вова её по комнате гоняет. Вот балда!

— Балда-балда! — подхватил Вадик.— А никакой не царь!

— Бал-да-бал-да-бал-да! — запели мы с ним вместе, заглядывая под кровать, где виднелся притихший Вовка.

— Ладно, мальчики, не такой уж он и балда,— сказала тётя Зоя вдруг так мягко, будто выронила пуховую подушечку.— Вы бы лучше художеством занялись — порисуйте. Зиму там или лето.

Мы сидели за столом перед одинаковыми белыми листами. У каждого в руке — карандаш.

— Ты прямо в самой Москве жил? — спросил Вовка.

— Прямо в Москве,— сказал я громко, чтобы услыхала и Люба Черномордикова на кухне.

— Счастливый ты! — сказал Вадик.— Прямо в Москве...

Я сел попрямее на стуле и нахмурил брови, чтобы выглядеть определённо счастливым.

— Так ты рисуй Красную площадь,— сказал Вадик.

— Красную площадь и я нарисую, для этого не обязательно в Москве жить,— сердито сказал Вовка и тут же принялся рисовать, от усердия кое-где продирая бумагу.

Я тоже хотел нарисовать очень красивую картину. Прямо перед глазами моими стояли белые дома с колоннами и флагами, спешили нарядные люди, колыхали листвой деревья, урчали машины, тормозя у светофоров. Но рука моя, как я ни старался, выводила самые заурядные домики — труба, крыша, четыре стены и крыльцо — посреди белого поля. И колонны некуда пристроить.

— А я буду рисовать пустыню,— придумал наконец и Вадик, проводя по своему листу из конца в конец почти прямую линию.— Я потому буду её рисовать, что там на поезде ехал.

— Охота песок рисовать?! — засмеялся Вовка.

— Там не песок, а плоская земля с кустиками,— возразил Вадик.

— А верблюды? — спросил я.

— Верблюдов не видал,— признался Вадик.— Я с верхней пол-

ки в окно глядел, глядел... А потом заснул, потому что только земля да кустики.

— Ну и рисуй свои кустики,— сказал Вовка.— Вот уж интересно-то...

— Там ещё дядька был в кепке,— припомнил Вадик.— Я к нему на руки выпал — из поезда, из окна.

Вадик даже со стула привстал от таких воспоминаний и вытаращил глаза.

— Проснулся — где я? Дядька кричит. Мама кричит. Все кричат. И ветер горячий дует. Дядька меня в поезд заталкивает и всё приговаривает: «Ёлки-палки, ёлки-палки». А я думаю: «Какие же в пустыне ёлки? Одни кустики».

Вадик сел и начал вырисовывать кустики, а среди них громадного дядьку, похожего на верблюда.

— Хорошо, что поезд тихо шёл,— вздохнул он.— А так бы я всю жизнь и прожил в пустыне.

Меня поразил дядька в кепке. Что он — заблудился? Или нарочно подстерегает поезда в пустыне и ловит детей?

— Дядька — счастливая случайность. Все так говорили,— объяснил Вадик.— Он вроде дорогу чинил...

— Ладно,— перебил Вовка.— А я недавно из самолёта выпал.

Вадик отложил карандаш и с удивлением глядел то на своего дядьку среди кустиков, то на Вовку.

— Врёшь! — сказал он наконец.— Как же ты не расшибся?

Вовка пододвинулся ко мне и обнял рукой за плечи.

— Дядька меня сразу подхватил и обратно положил — он дорогу там чинил,— пропел он, подталкивая меня в бок.— Правда ведь?

Я заёрзал на стуле. Но уж очень здорово обнял меня Вовка — как друга-приятеля.

— Да,— сказал я.— Мы как раз на другом самолёте мимо пролетали.

— Ага, Вадька Свечка! — закричал Вовка.— Сам наврал!

Вадик опустил голову. Я вдруг представил, как Вадик, маленький и беленький Свечкин, идёт по пустыне — один-одинёшенек.

— А потом мы ехали на верблюде,— сказал я,— и Вадик из поезда вывалился. Сначала-то я не разобрал, что это Вадик. А теперь его узнал.

Вовка тут же отдёрнул руку и отодвинулся. А Вадик как-то невесело поглядел на меня.

— Там никаких верблюдов не было — только кустики,— сказал он неожиданно.— Врёшь ты всё.

— Так?! — сердце у меня сильно застучало.— А тогда вы ниоткуда не вываливались!

— Мы вываливались,— сказал Вовка, подвинувшись на сей раз к Вадику Свечкину.— Особенно Вадик вываливался. И я немножко. Да, Вадик?

— Да,— сказал Вадик.— Мы с Вовой часто вываливались.

— Ну и вываливайтесь дальше — хоть с луны! — сказал я.

И мы замолчали, сердито сопя над рисунками.

...На улице выглянуло солнце. Лёд на окне потёк тонкими ручейками. И дом, кажется, начал расти, вылезать из снега. Хотелось выбежать из дому и глядеть со стороны, как он подрастает, как сползает с него снег толстыми пластами и не задерживается у края крыши, с которого свисают длинные и коротенькие, холодные и сверкающие сосульки.

— Какие вы молодцы! Художники вы мои,— зашла в комнату тётя Зоя.— Рисуйте-рисуйте! А я только в магазин, на почту... да весну потороплю. Скоро вернусь.

Хлопнула дверь, и по комнате пробежал мокрый ветер, в котором были запахи солнца, тёплой земли, ручьёв и луж.

— А вот у меня что! — раздался голос. Люба Черномордикова вытащила из кармана своего красного фартука красное яйцо. Положила на стол и подтолкнула.

Медленно, переваливаясь, покатилось оно по столу прямо ко мне. Я хотел было поймать его, но яйцо приостановилось и покатилось обратно к Любе — так же медленно, покачивая на ходу боками.

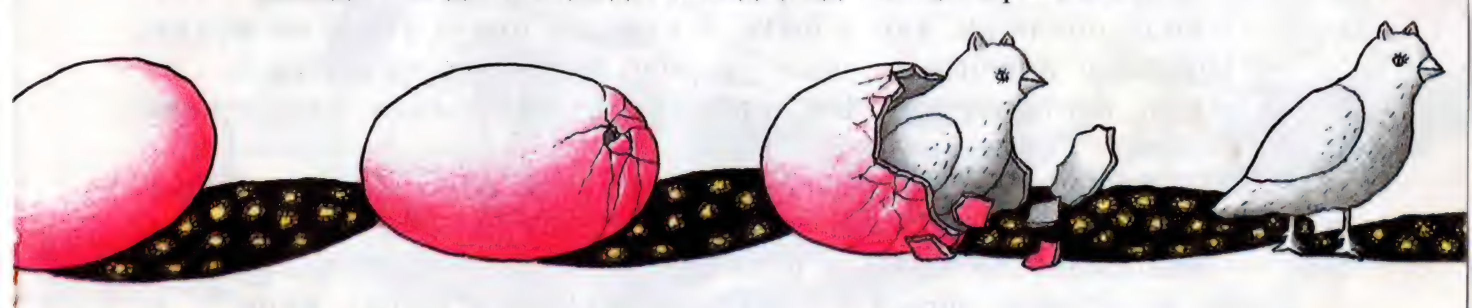
— Что, поймал? — усмехнулась Люба.— Это яйцо не простое,— сказала она.— Оно учёное яйцо!

— Куриное,— сказал Вовка.

— Разве у курей такие яйца? Красные? — удивилась Люба.— Сам ты, Вова, яйцо куриное!

— Крашеное,— сказал тихо Вадик.

— Сам ты, Свечечка, крашеный! Это — яйцо полярной совы. Белое-то она в снегу потеряет. А так — полетает, погуляет, отдохнёт — и видит издалека, где гнездо, где яйцо красное.

Я живо представил белые просторы, на которых то тут, то там виднеются красные совиные яйца.

— Из этого сова вылупится? — хмыкнул Вовка.

— Не медведь же,— сказала Люба и подтолкнула яйцо на сей раз к Вадику. Чуть-чуть до него не докатившись, яйцо поехало вспять — к Любе.

— Кое-чему научила уже,— сказала Люба.— Сов нужно с детских лет приучать, чтобы прямо ручная вывелась. Вот пойду в школу, а за мной сова будет лететь — портфель тащить.

— Врёшь ты,— сказал Вовка, не слишком, правда, уверенно.

— Ладно, Вова, не веришь — не надо,— сказала Люба, поглаживая яйцо.— Вот высижу — тогда увидишь.

— А как ты высиживаешь? — спросил Вадик.

— Ну, как высиживаю,— улыбнулась застенчиво Люба.— Как куры. Сажусь на яйцо и грею, грею. Дело-то, в общем, простое.

Приятно было смотреть на Любу Черномордикову — какая она красивая и умная девочка. Всё умеет.

— А дай я немного посижу,— вдруг попросил Вадик.— Я такой горячий. Я быстро высижу!

— Да что ты! — замахала руками Люба.— Должна быть одна наседка — кто высидит, тот и мать. Я старалась-старалась, сидела-сидела, а сова за тобой летать будет? Хитёр больно!

— Люба, Люба,— засуетился Вадик.— А у тебя другого яйца нету? Которое пока не учёное?

Люба оглядела Вадика с ног до головы, как бы прикидывая, на что тот способен — сможет ли высидеть приличного птенца.

— Пойду погляжу, так и быть,— сказала она и ушла на кухню.

— Вы тоже просите яички,— горячо зашептал нам Вадик.

— Люба, я тоже хочу! Мне тоже яйцо! — закричал, не удержавшись, Вовка.

И мне, конечно, хотелось яйцо на воспитание — хоть воробьиное. Но неловко было просить у Любы. Уж лучше я дома подберу — небольшое на первый раз.

Люба вернулась, держа в руках два крупных белых яйца.

Вадик подхватил яйцо обеими руками. Поднёс ко рту и шумно задышал, согревая.

— А чьи это? — недоверчиво спросил Вовка.

— Пока с куриными попробуйте,— сказала Люба.— С ними-то попроще — домашняя птица.

— А я не хочу курицу,— заупрямился Вовка.

ШКОЛА

— Ну что ты, Вова? Обучай на петуха! Будет тебя охранять, как верная собака.

Вовка вертел яйцо в руках, осматривая его со всех сторон, как очень придирчивый покупатель.

— Только не избалуйте! На шею сядут — натерпитесь,— вздохнула Люба.— Ох, нелёгкое это дело всего для одной пары рук.

Вовка теперь положил яйцо на стол и, придерживая пальцем, то принюхивался к нему, то прикладывал ухо.

— Что там? — спросил я.

— Тихо... Молчит...

Я тоже приложил ухо. Яйцо было гладкое и прохладное. И кажется, тихонько шуршало, шумело, как морская раковина.

— Хватит,— оттеснил меня Вовка.— Ты моё яйцо не подслушивай.

Вадик прохаживался вокруг стола, что-то своему яйцу нашёптывая.

— Люба,— сказал он.— Ты мне покажи, пожалуйста, как садиться на него ловчее.

— Глядите,— сказала Люба. Она выдвинула стул, подула на сиденье и бережно положила яйцо прямо посередине.— Это будет гнездо. Вот так. Теперь потихоньку садитесь.— Люба опустилась на яйцо. Спину она держала прямо, руки — на коленях.— Сидеть смирно. Не вертеться! — пояснила она.

Вадик, не теряя времени, тоже выдвинул стул. Яйцо у него долго не укладывалось, как он хотел — посередине. Скатывалось к краю.

— Неслух какой! Разбойник! — ворчал Вадик. Наконец он уложил яйцо и начал медленно усаживаться, глядя прямо перед собой испуганными глазами.

— Нет-нет-нет! — остановила его Люба.— Вы уж с Вовой садитесь разом. Чтобы потом никому обидно не было. А то у тебя, Вадик, курица вылупится, разговаривать начнёт, а Вова будет ещё на гнезде. Приготовились! Внимание!

Вадик и Вовка застыли над своими гнёздами.

— Раз, два — начали!

Они садились очень медленно. Так подъёмный кран опускает строительную плиту — медленно, но верно.

— Только не волнуйтесь. Всё идёт хорошо,— говорила Люба.— Вадик, ты отстаёшь — смелее!

Они опустились одновременно — раздался нежный, чуть слышный хруст.

Почему-то также медленно, осторожно начали они вставать. Так подъёмный кран поднимает строительную плиту, попавшую всё-таки не на то место. Вова оглядывался и трогал штаны, а Вадик неотрывно глядел на Любу. В глазах его была печаль.

— Всё получилось, по-моему,— сказала Люба и быстро вышла из комнаты, притворив за собой дверь.

Краем глаза я заметил, как её красное совиное учёное яйцо медленно, ворочая боками, катится по стулу. Я бросился на помощь. Но яйцо сорвалось. Ударилось об пол! С деревянным стуком! Подпрыгнуло-подскочило! И резво покатилось под кровать, будто и в самом деле что-то соображало.

А Люба на кухне громко гремела посудой. Но всё равно был слышен её звонкий, как колокольчик, красивый и какой-то румяный смех.

Такая уж это была весёлая девочка.

В комнату влезли мягкие тёплые сумерки.

Мы все сидели за столом и пили чай. Уютно белели на кровати подушки, а на скатерти — чашки.

У оленей на коврике тоже наступил вечер. А они всё дрались. Впотьмах сверкал безумный олений глаз.

— Чего они всё дерутся и дерутся? — спросил я.— Ещё глаза повыколют!

— Кто? — испугалась тётя Зоя.

Вадик, Вовка и Люба принялись озираться по сторонам, не веря, что кто-то ещё может драться в этот тихий чайный час.

— Да вот — олени! — кивнул я на коврик.

— Ох ты, батюшки,— вздохнула тётя Зоя.— Чего выдумал!

— Смотрите — рогами нацелились! — сказал я.

— Никогда они и не дрались,— махнула рукой тётя Зоя.

— Они соляной камень лижут,— сказала Люба Черномордикова.— Им соль очень полезна.

— Один лижет, а другой товарищей зовёт, чтобы тоже полизали,— сказал Вадик Свечкин.

А Вовка тут же забрался на кровать, поколебав гору подушек, и, водя пальцем по коврику, показывал, где камень соляной, как один его лижет, как другой голову поднял — остальных подзывает.

— Остальные вон там — между деревьями,— объяснил Вовка.— Они пока незаметные.

— И меня никто не замечает!

Я обернулся и увидел в дверях маму.

— Мама, ты — как охотник-следопыт,— выбежал я из-за стола.

— Ну, полетели, птички? — сказала, вставая, тётя Зоя.— До завтра.

— Да уж, наверное, до осени,— сказала мама.— Мы ведь скоро уезжаем!

Вешалка в прихожей была пустая, как осеннее дерево. Вдоль стены прохаживалась курица, замирая время от времени на одной ноге, будто вспоминала о чём-то важном, да никак вспомнить не могла.

В прихожей было тесно, потому что все вышли туда — Вадик, Люба и Вовка — и смотрели, как мама медленно открывает дверь.

Мне вдруг стало жалко оставлять белую курицу, и я погладил её на прощание по крылатой спине.

КАК МЕНЯ УКУСИЛ БУРУНДУК

Однажды мы с Вадиком Свечкиным прогуливались по трассе. День был солнечный. Чёрные вороны ходили по снегу, переваливаясь, как борцы на ковре. Было видно, какая у них крепкая грудь и тяжёлый клюв.

По сторонам трассы росли лиственницы, тонкие, как удочки.

Вороны садились на них и раскачивались из стороны в сторону.

Вдруг я увидел, что одна лиственница качается сама собой.

Пригляделся — на макушке бурундук.

Мы подошли к дереву. Бурундук вцепился в ствол и замер, а лиственница всё покачивалась.

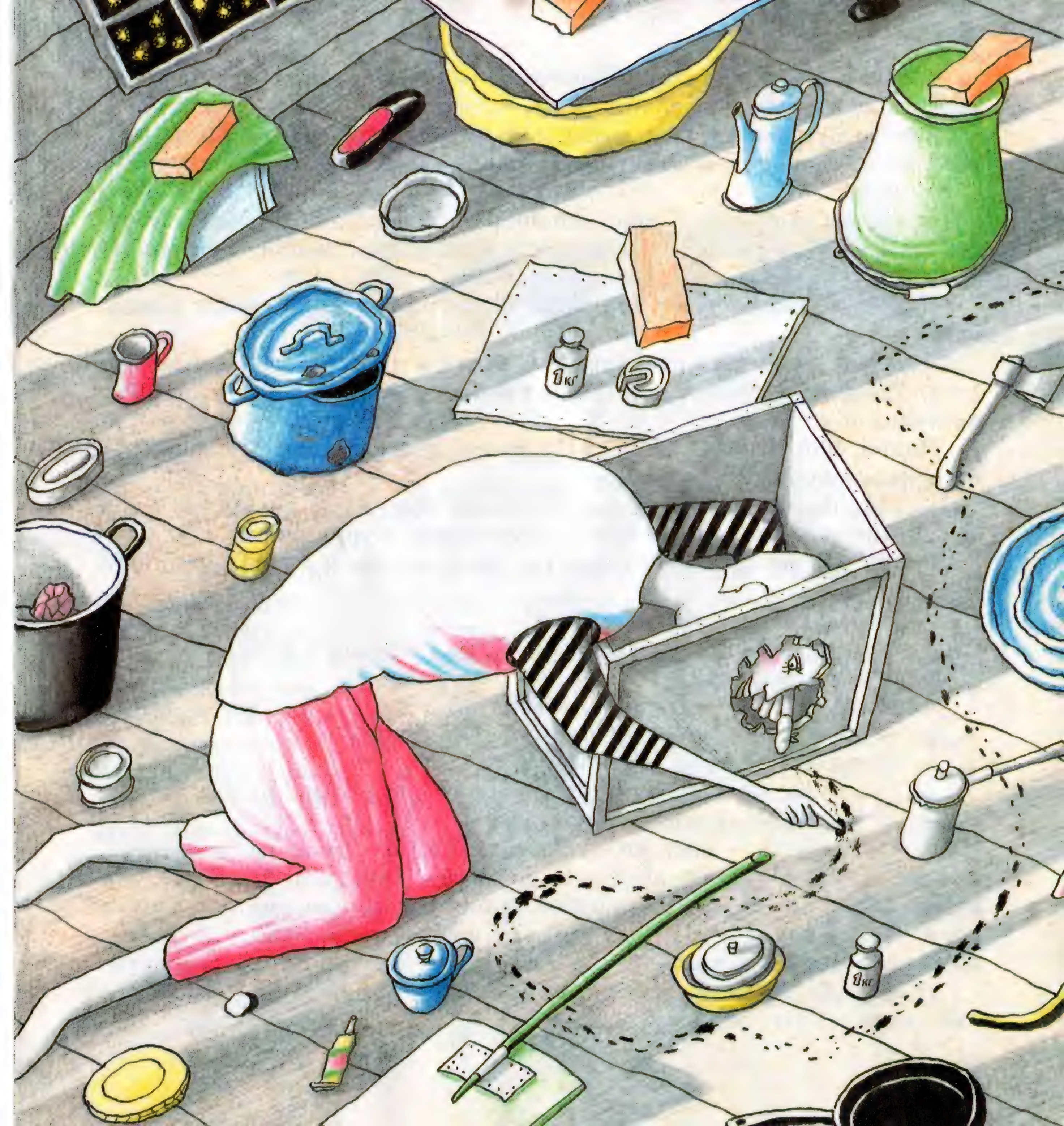
«А вдруг на голову прыгнет?» — подумал я и отошёл подальше.

Вадик потряс лиственницу, как будто поймал большую рыбу. Бурундук не удержался и поехал вниз.

Он прыгнул в снег, подняв хвост, похожий на ржаной колос. И тут же забрался на соседнюю лиственницу, как будто по винтовой лестнице.

Но и там долго не удержался. Перепрыгнул на третью — и устал. Вадик стряхнул его в снег и накрыл шапкой.

У меня нашёлся полотняный мешок для обуви. Туда мы и вывалили из шапки бурундука.

1кг
1кг

— Ничего бурундучок! Шустрый! — развеселился Вадик.— Такому палец в рот не клади.

Тут-то бурундуку и попался мой палец. Бурундук, видать, подполз по мешковине и от души вцепился в него, как утопающий в соломинку.

Я мешок выронил, а вниз посмотреть боюсь — может, там откушенный палец лежит. Но на снегу только мешок лежал. Притих бурундук — страшно в мешке падать.

Дома мы нашли деревянный ящик от посылки. Накрыли крышкой.

А утром я крышку отодвинул — пусто в ящике и дырка прогрызена. Убежал бурундук под пол к мышам, а оттуда в тайгу на свою лиственницу.

Палец мой быстро зажил. Но я его долго ещё перевязывал — не всякого бурундук кусал.

— Да, Вадик,— сказал я.— Тебя вот бурундук не кусал. Да и вообще не встречал я человека, укушенного бурундуком.

Вадик тут же закатал штанину и ткнул пальцем в шрам на щиколотке.

— Это видел — собачьи клыки!

— Ну, собаки-то многих кусали. Неинтересный укус.

Вадик задумался.

— Меня вот змея укусила,— вспомнил я.

— И ты жив? — недоверчиво спросил Вадик.

— Неядовитая была. Простой уж.

— Да, змеи тоже не каждого кусали,— вздохнул Вадик.

— И ёж меня укусил,— сказал я.

— Вот врёшь — ежи не кусаются! Хватит того, что колются...

— Ещё как кусаются! Хотел поглядеть, что у него во рту. Он и прихватил палец — вместо зубов такие острые пластинки. И щука меня как-то укусила. Правда, дохлая уже,— продолжал я.— Палец засунул в пасть, а вытащить не мог. У неё зубы внутрь загнуты.

— Это не очень-то считается,— сказал Вадик.— Вот меня оса раз укусила! Ох, больно!

— Подумаешь! Меня пчела укусила в язык,— ответил я.— А ещё меня кусали чёрные муравьи и рыжие муравьи.

Вадик оглядел улицу, как бы прикидывая, кто бы его мог укусить.

— Меня гусь кусал,— сказал он неуверенно.

— Здравствуйте! Гуси-то не кусаются, а щиплются.

— А петухи? — спросил Вадик с надеждой.

— Петухи клюют...

— Зато меня комары здорово кусают.

— Комары... Зато меня таракан однажды укусил!

— До крови? — Вадик поглядел на меня с уважением.

— Да что — таракан. Меня и пиявки кусали. И скорпион — чуть-чуть промахнулся.

Я быстренько стал вспоминать, кто вообще-то ещё кусается. И тут Вадик застенчиво сказал:

— А на прошлой неделе меня Люба Черномордикова укусила.

Да, Люба это, конечно, не ёж и не бурундук, не таракан и не пиявка. Повезло Вадику! Не каждого человека кусала отличница и звеньевая.

СИЛА ДЫХАНИЯ

Это сейчас я хорошо играю на трубе. Могу протрубить зорю, тревогу, отбой или, к примеру, сонатину Клементи. Многим кажется, что я прямо с трубой родился. Но это, конечно, не совсем так.

Впервые труба попала мне в руки под Новый год, когда я учился в пятом классе. В белом комбинезоне и заячьей маске должен был я вбежать в спортзал — затрубить в трубу, разбросать серпантин и конфетти. Так задумали открыть школьный карнавал.

Репетировал со мной старшеклассник Николай Подкорытин. На нём была красная шуба Деда Мороза, из карманов которой торчали две трубы — золотая и серебряная.

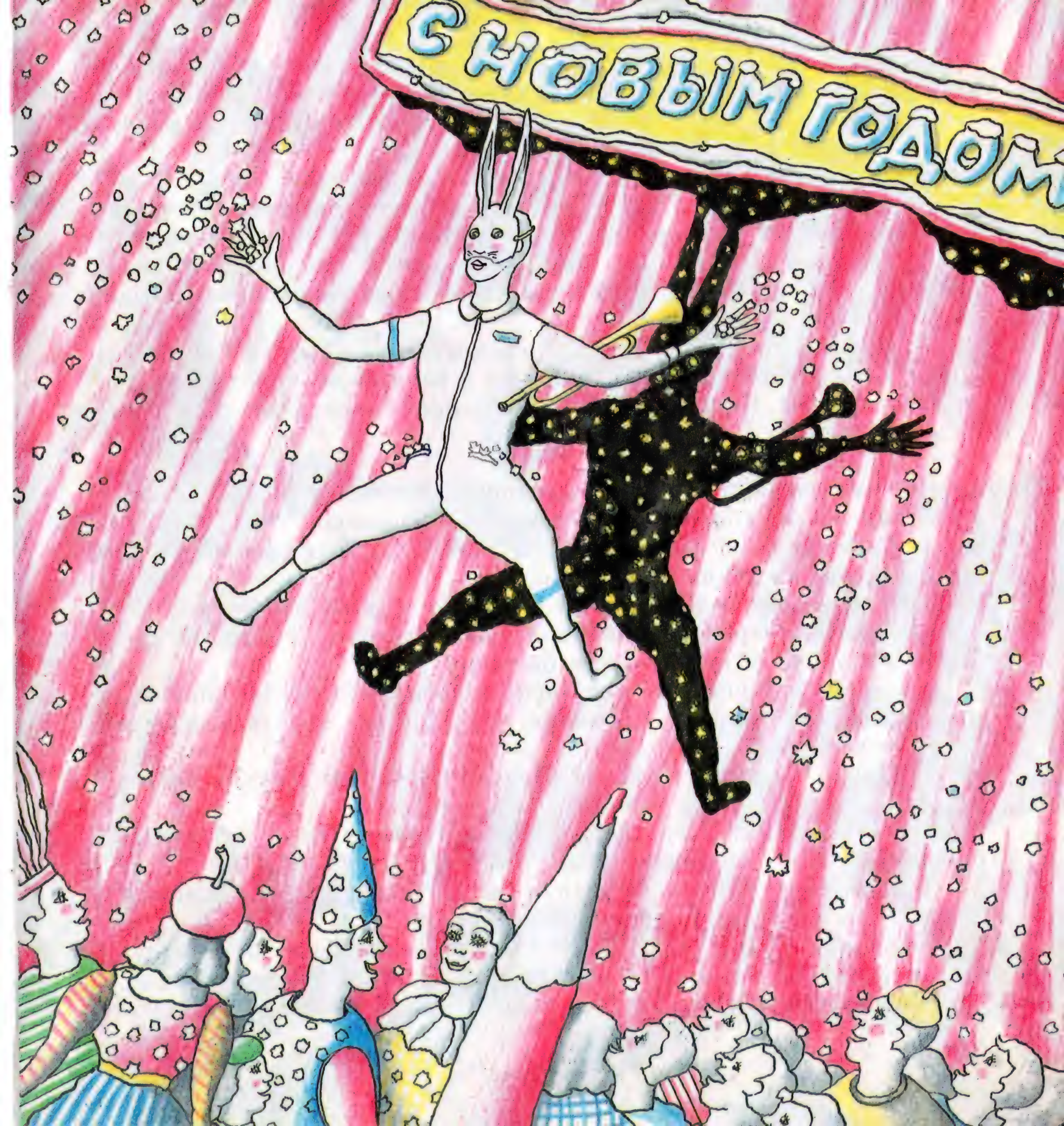
— Ну-ка, попробуй,— протянул он мне серебряную.

Я старался изо всех сил — стал красный, как шуба, в голове зашумело,— но выдуть ничего не смог, ни звука.

Николай Подкорытин вытащил из кармана золотую трубу и, свирепо на меня глядя, будто прицеливаясь, выдул неожиданно нежный, чистый, тонкий и хрупкий звук.

— Давай ещё раз,— сказал он сердито.— Только быстро. Мне бороду цеплять!

Но и на этот раз ничего не получилось, если не считать пыхтенья и похрюкиванья.

С НОВЫМ ГОДОМ

— Да, подобрали зайчика — нечего сказать! Нету у тебя силы дыхания! — покачал головой Николай Подкорытин.— Ладно! Я за тебя сам протрублю. Ты только вид делай, что трубишь. Ну-ка сделай вид!

Я очень старательно приложил трубу к губам.

— Видочек у тебя! Будто ты из чайника пьёшь! — сверкнул глазами Николай Подкорытин.— Погоди! А что это у тебя на ногах?

— Валенки,— ответил я, уже почувствовав, что допустил новую ошибку — может, зайцу положены спортивные тапочки или сандалии...

— Вижу,— злился Николай Подкорытин,— а ты сам где-нибудь видел хоть одного нормального зайца в чёрных валенках?

Что-то ворча, Николай Подкорытин принёс из костюмерной новые белые валенки.

— Обувайся, живо!

Кое-как натянул я заячьи валенки и прошёлся, прихрамывая,— были они, мягко говоря, жестковаты да маловаты.

— Разносишь! — махнул рукой Николай Подкорытин.— Зато хоть немного на зайца похож.

Я не возражал, чувствуя себя и без того кругом виноватым. Ещё немного порепетировал — поприкладывал трубу к губам. И даже выдул какую-то ноту — чахлую былинку.

Выглянул в спортзал — на стенах были нарисованы клоуны, с потолка свисали ватные снежинки, и среди них летела блестящая космическая ракета.

— Пора! — сказал Николай Подкорытин, уже одетый по всей форме Дедом Морозом.— Маску, маску надевай!

В заячьей маске было душно, пахло клеем. «Не приклеится ли она насовсем?» — подумал я.

Николай Подкорытин распахнул дверь и подтолкнул меня вперёд:

— Беги и труби! Понарошку!

Сверкая трубой, скользя валенками, бросился я в спортзал. Бежал я в полной тишине. И только когда достиг середины зала и остановился, опустив трубу, только тогда красиво затрубил

СССР
СТОРИЯ
ССР

Николай Подкорытин. Наверное, он не хотел делиться со мной славой.

Получилось так, будто сверкнула молния, а погодя грянул гром.

В зал между тем хлынули ребята в карнавальных костюмах. Тигры, индейцы и мушкетёры, две коровы, обезьяна, ручка-скорописка и какие-то овощи, фрукты окружили меня со всех сторон.

Припрыгивая и прихрамывая, начал я разбрасывать серпантин и конфетти.

Валенки никак не разнашивались. Наоборот, они всё крепче сжимали ноги. И я старался прыгать повыше, чтобы подольше быть в воздухе, не ступая на ноги.

«Вот таких хромых зайцев и съедают волки,— пронеслось в голове.— Очищают лес».

Перед глазами мелькали разноцветные костюмы. Разбросав всё, что было в карманах, держа под мышкой бесполезную серебряную трубу, ковылял я к шведской стенке. Одинокий хромой заяц.

Я очутился рядом с мальчиком, который изображал толстую книжку в суперобложке. Он пыхтел и шелестел страницами.

Вдруг «книжка» протянула руку и выхватила из толпы «будильник» с цифрами и стрелками, который всё время приговаривал: «Тик-так-тик-так».

— Ну, Вовка! Чтоб я ещё хоть раз согласился книжкой быть! Будто в книжном шкафу пылюсь!

— Ещё немного,— зашептал «будильник».— Скоро начнётся. Твой приз — первый! Супер береги.— И он заспешил прочь, «тикая» и «такая».

А на сцену вышел суровой походкой Дед Мороз — Николай Подкорытин — со своей золотой трубой, чтобы протрубить начало парада костюмов.

— А ты чего помалкиваешь?! — толкнула меня «книжка».— Труби! Да поскорее — сил нету ждать!

И вот когда Николай Подкорытин — Дед Мороз — уже запрокинул голову и поднял руку с трубой, я со всего духу дунул в мундштук.

Никак я не ожидал, что у моей молчаливой трубы прорежется голос. Да и не голос это вовсе был — рёв, скрежет, лязганье!

Дед Мороз застыл, поглядывая из-за трубы. Все повернулись к нему.

Тогда я вновь затрубил — длинно и протяжно — так может, наверное, трубить лось в осеннем лесу или пароход, входя в гавань.

Теперь уже все обернулись ко мне и разглядывали, как неведомое животное.

— Маленький какой, а трубит! — сказал кто-то.

— Ай да заяц! Даром что хроменький! Зато храбрый!

И начался парад. Я шёл за «книжкой», высоко поднимая серебряную трубу. Хромал, но был счастлив.

Когда я проходил мимо Деда Мороза, тот подмигнул и сказал:

— А всё-таки у тебя ничего себе дыхание! Есть сила! Учись на трубе играть.

После парада я зашёл в раздевалку, снял белые валенки и принялся дуть в трубу — ни звука...

Я вновь надел эти заячьи валенки, похромал, похромал туда-сюда и затрубил — красиво, звонко.

КИТОВЫЙ ЧЕМОДАН

Как я жалел, что у меня нет такого чемодана!

Да его и не могло у меня быть!

Это был единственный чемодан в мире — гигантский, чёрный, перепоясанный ремнями, как офицер!

Его хозяином был наш сосед, старший промывальщик золота, Октябрь Петрович.

— Для одинокого человека такой чемодан — и стол, и кровать, и гардероб,— говорил Октябрь Петрович.— А однажды я в нём горную реку переплывал!

— Не может быть! — удивлялся я.

— Ничего удивительного. Он же из китовой кожи!

И правда — чемодан был похож на кита кашалота.

Многие в нашем якутском посёлке приходили просто поглядеть на него.

А я любил смотреть, как Октябрь Петрович, вернувшись из какой-нибудь поездки, расстёгивает китовый чемодан.

Мне казалось, я вижу, что проглотил кит.

Глотал же он что придётся: болотные сапоги, оленьи рога, фетровые шляпы, камни-самоцветы, перочинные ножи, безопасные бритвы, компас, пуговицы, пузырьки с тройным одеколоном.

Однажды он проглотил свой собственный китовый ус.

Кого только не напоминал мне этот чемодан! И коня, и бегемота, и кита, и носорога. Вот только птицу не вспоминал я, глядя на чемодан.

Ещё бы не хватало вспоминать о птицах, когда смотришь на чемодан из китовой кожи!

И всё-таки раз пришлось вспомнить. Тогда чемодан меня особенно удивил. Октябрь Петрович достал из его брюха сияющий трёхведёрный аквариум.

— Как раз для тайменя,— сказал он.— Или для небольшого кита. Но в нём будут жить очень маленькие рыбки.

— Пескари и краснопёрки?

Октябрь Петрович усмехнулся и повёл меня в свою комнату. Там на специальном столике стояла трёхлитровая банка из-под маринованных огурцов, а в ней плавали красные, зелёные, чёрные и прозрачные, как леденец, рыбки.

В Москве на Птичьем рынке купил Октябрь Петрович рыбок.

— Хотел было птичку приобрести, да глупо птичку в чемодан сажать! — рассказывал он.

В трёхлитровой банке, завязанной марлей, повёз рыбок в наш

северный посёлок. Чтобы рыбки дорогой не задохнулись, подкачивал им воздух из резиновой камеры. Чтобы не замёрзли, держал банку на животе под полушубком.

В чемодане, кроме аквариума, Октябрь Петрович привёз подводные растения, ракушечный дворец и красивый, будто искусственный, песок.

— Уж на что я — старый старший промывальщик,— говорил Октябрь Петрович,— а такого песку не видел. Так и хочется его помыть: нет ли золота?

Он посадил в песок растения, посередине аквариума оставил полянку — туда поставил ракушечный дворец.

Затем поглядел на аквариум, как архитектор смотрит на построенный дом, в котором ему самому не жить, и сказал:

— Ещё никто не разводил в Якутии рыбок. Началась новая эра!

Взяв сачок на витой проволочной ручке, Октябрь Петрович пересаживал рыбок из банки в аквариум.

В аквариуме рыбки стали резвиться: щипали водоросли, копали ямки в песке, заплывали в ракушечный дворец.

Октябрь Петрович целыми днями суетился около аквариума.

Все теперь приходили поглядеть на аквариум, а про чемодан забыли. Про китовый чемодан!

Но я по-прежнему жалел, что этот единственный в мире чемодан — не мой!

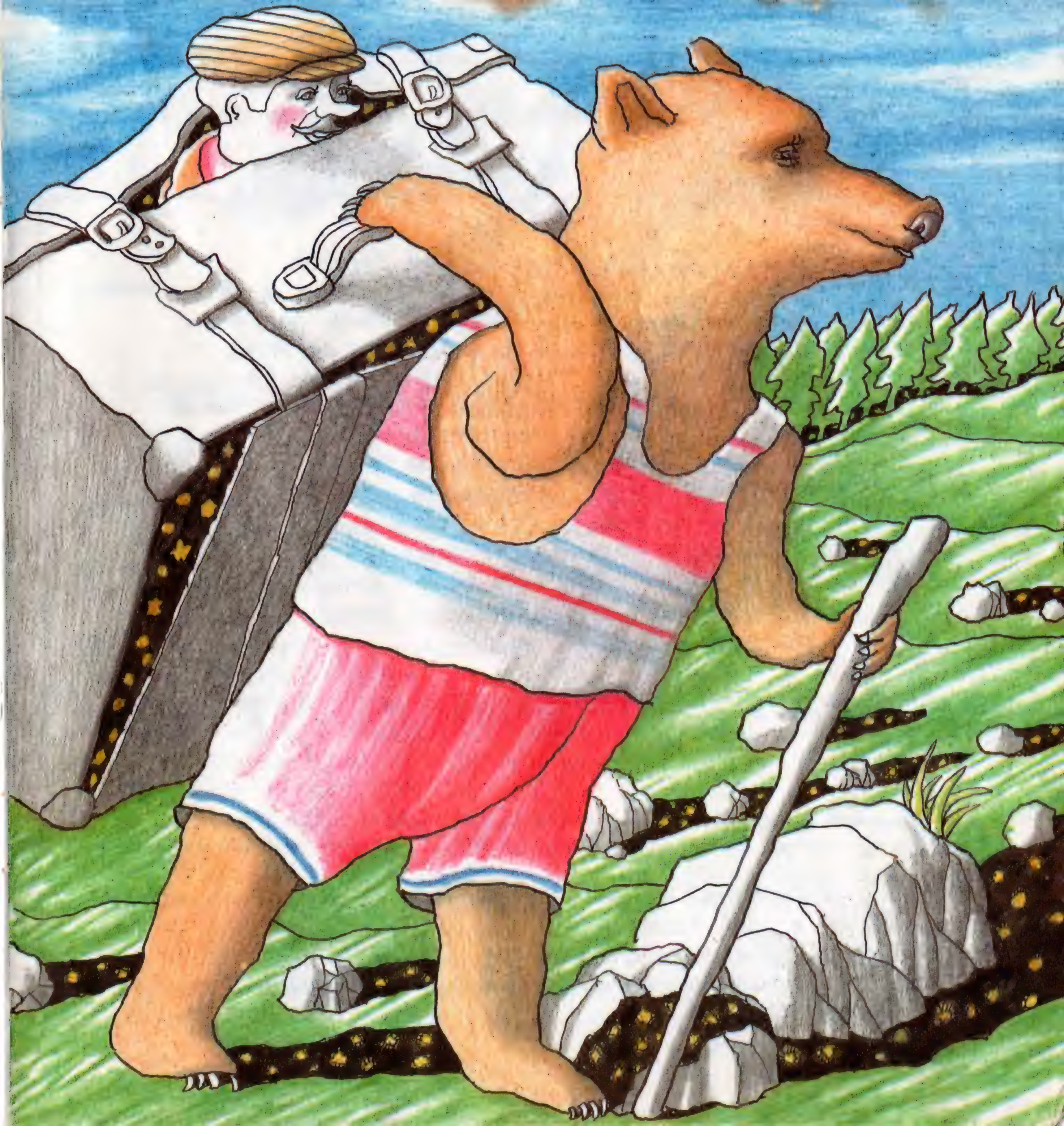
«Может быть,— думал я,— если бы чемодан мог говорить, то сказал бы, что хочет перейти ко мне на службу».

— Ладно,— сказал однажды Октябрь Петрович,— съезжу последний раз в поле с чемоданом. А там видно будет — у меня всё же теперь аквариум...

Наступило лето, и Октябрь Петрович с китовым чемоданом уехал в поле. А мне поручил смотреть за аквариумом.

Я кормил рыбок, менял воду, чистил стеклянные стенки и всё вспоминал о китовом чемодане. Где они там с Октябрём Петровичем? Скоро ли вернутся?

Красные рыбки в аквариуме казались мне маринованными

помидорами, зелёные — огурчиками, а прозрачных я вовсе не замечал.

Неожиданно я получил письмо от Октября Петровича из полевой партии.

Как ты живёшь? Как живут рыбки?

Я живу пока хорошо. А могло быть плохо. Пошёл я в маршрут, как всегда с чемоданом. На ручье стал песок промывать. А из кустов - медведь. Поднялся в рост - и на меня.

Ружья у меня нет, только химический карандаш для записей. Бросил я в медведя карандашом, а сам в чемодан спрятался и крышку изнутри держу за ремешки. Медведь подошёл, понюхал, посопел, за ручку подёргал и потащил чемодан, наверное в берлогу.

Хороший, думаю, будет подарочек медвежатам: Октябрь Петрович в китовом чемодане. Заорал я чемоданным страшным голосом. Медведь бросил чемодан и убежал.

А я ещё долго из чемодана не вылезал.

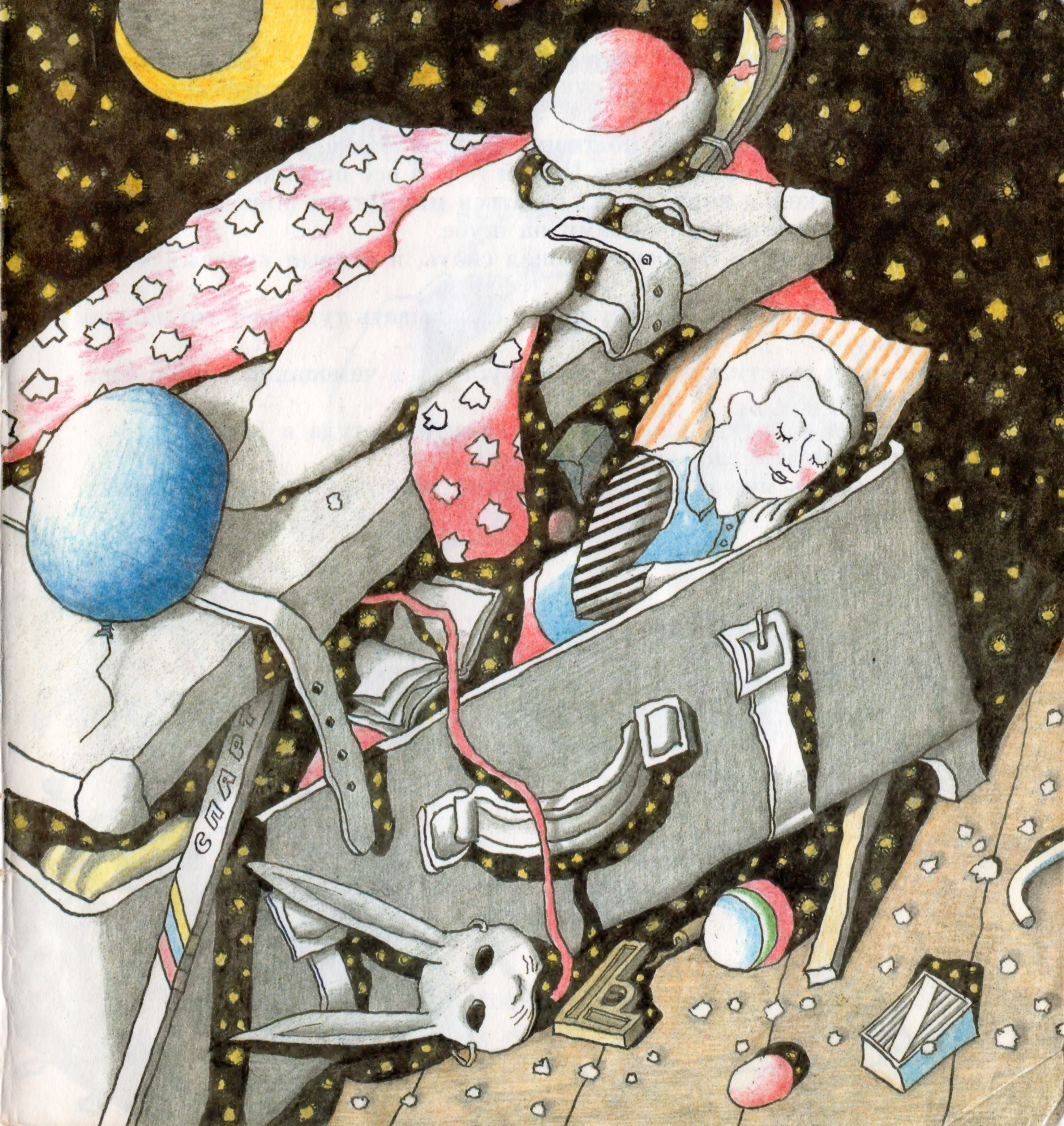
На этом кончаю. С приветом.

Октябрь Петрович.

Вернулся Октябрь Петрович под самый Новый год. Мы с ним нарядили ёлку в моей комнате.

Октябрь Петрович пошёл к себе.

Но скоро в дверь постучали, и Октябрь Петрович вошёл с китовым чемоданом.

— Не по плечу мне этот чемодан,— сказал он.— Да и что мне теперь в нём таскать? Разве сухой корм... Обойдусь портфелем. Бери чемодан — тебе жить!

И Октябрь Петрович поставил чемодан под ёлку.

Мы весело отпраздновали Новый год. Я всё поглядывал на чемодан, и он в конце концов стал казаться мне Дедом Морозом с седой бородой и золотыми пряжками на шубе.

Когда Октябрь Петрович пошёл спать, я открыл китовый чемодан.

Он был пустой, и я сразу начал складывать туда всё, что попало под руку.

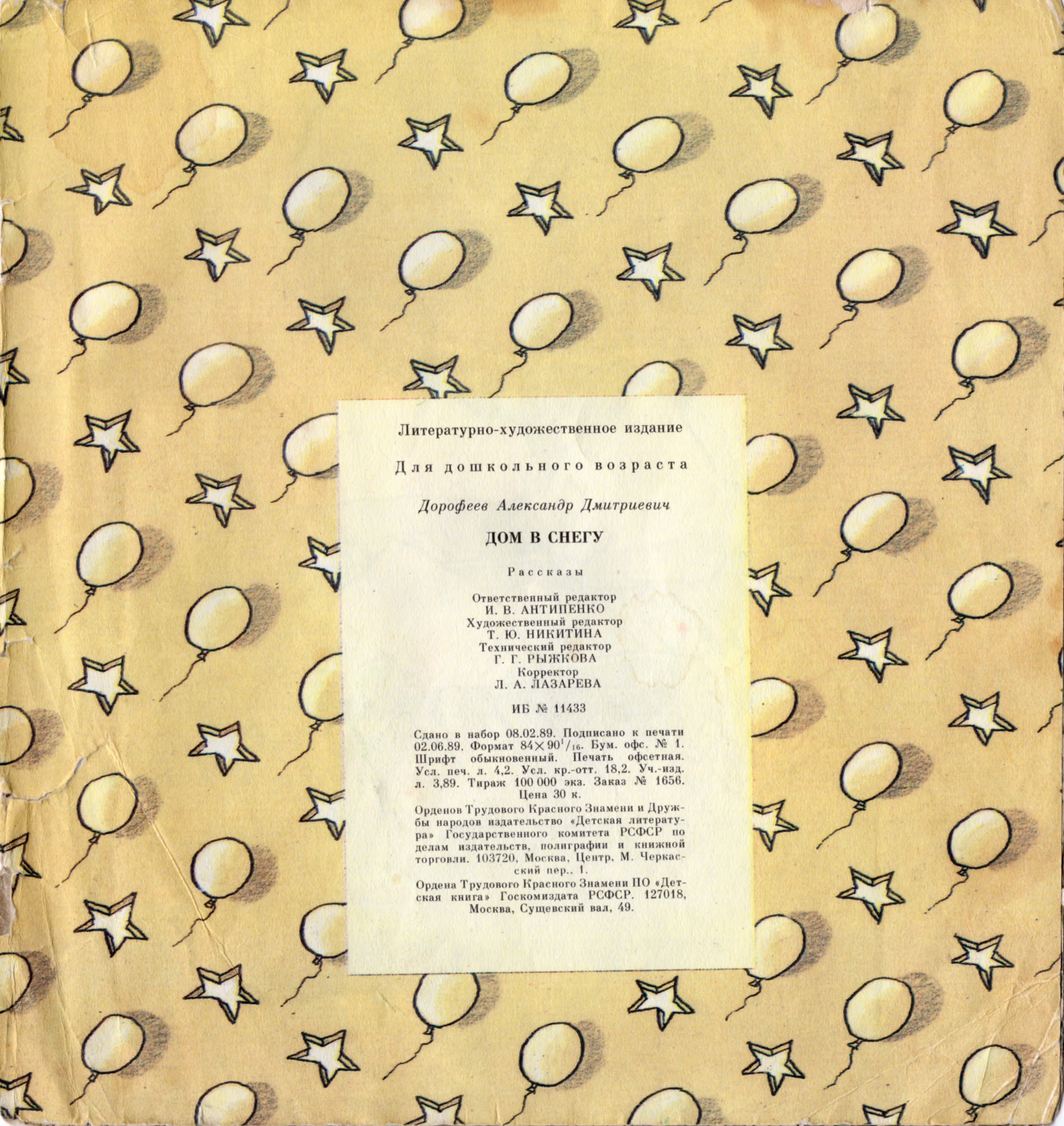
Скоро я заметил, что комната опустела, а чемодан заполнен едва наполовину.

Я сел в чемодан, думая, не запихнуть ли туда и ёлку.

Как-то незаметно прилёг и заснул.

И снились мне в китовом чемодане новогодние сны, в которых был запах ёлки и океана.

Литературно-художественное издание

Для дошкольного возраста

Дорофеев Александр Дмитриевич

ДОМ В СНЕГУ

Рассказы

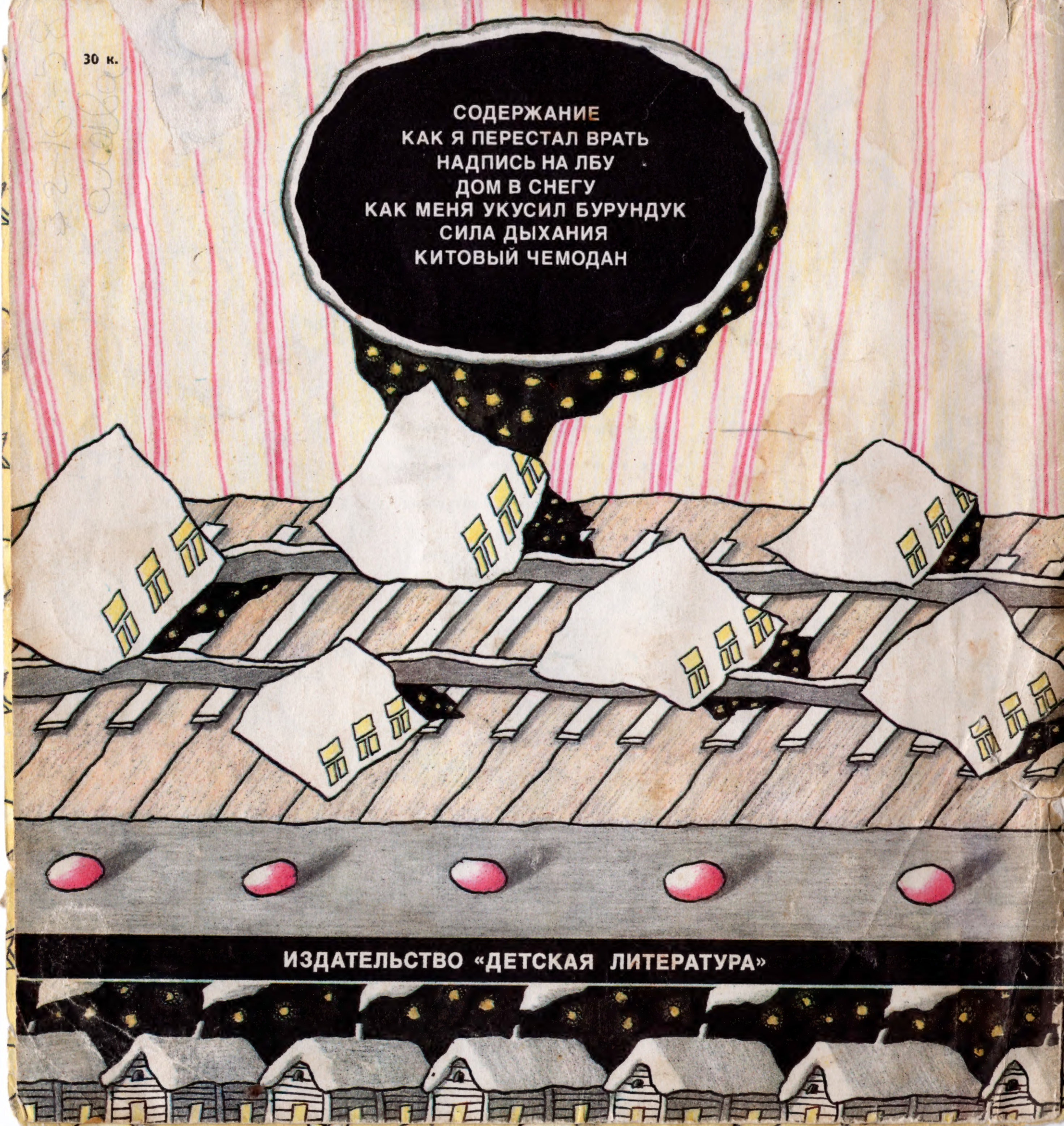
Ответственный редактор
И. В. АНТИПЕНКО
Художественный редактор
Т. Ю. НИКИТИНА
Технический редактор
Г. Г. РЫЖКОВА
Корректор
Л. А. ЛАЗАРЕВА

ИБ № 11433

Сдано в набор 08.02.89. Подписано к печати 02.06.89. Формат $84 \times 90^1/_{16}$. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,2. Усл. кр.-отт. 18,2. Уч.-изд. л. 3,89. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1656. Цена 30 к.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

30 к.
СОДЕРЖАНИЕ
КАК Я ПЕРЕСТАЛ ВРАТЬ
НАДПИСЬ НА ЛБУ
ДОМ В СНЕГУ
КАК МЕНЯ УКУСИЛ БУРУНДУК
СИЛА ДЫХАНИЯ
КИТОВЫЙ ЧЕМОДАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»